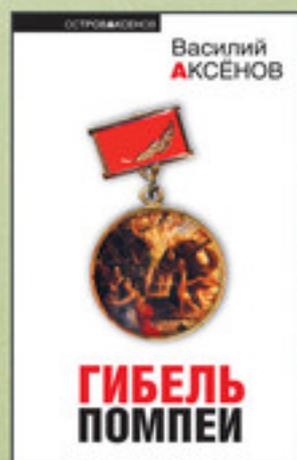

Василий Аксенов

Право на остров

*Часть сборника
Гибель Помпеи (сборник)*

Василий Аксенов
Право на остров

«ЭКСМО»

1977

Аксенов В. П.

Право на остров / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1977

ISBN 978-5-457-09908-1

«„Вновь я в Ажаксьу“. Всякий раз, приезжая сюда, Леопольд Бар, этот, по сведениям журналов, „крупнейший из ныне живущих европейских эссеистов“, произносил в уме данную литературную фразу. Прежде он затруднялся, выбирая вариант названия. В промежутках между приездами, то есть в основные периоды своей жизни, он не называл этот город, столицу острова, никак, потому что никогда о нем не думал, но с детства, однако, помнил, что в учебнике географии фигурировало Аяччо, некий гоголь-моголь с перцем. Местные жители – корсиканцы, склонные к сепаратизму, а таких тут немало – считают свой Ајассіо именно как Аяччо, но произносят, разумеется, что-то среднее между Айчу и Эчу – никогда этому не научиться. По-французски же, а Корсика как-никак часть Франции, в связи с отсутствием в языке Мольера всяких там черепков, черенков, чекушек, чертиков и прочей че-чепухи, произносится отличное словечко – Ажаксьо. Л. Б. поддерживает здесь метрополию, так как отрицает моду на сепаратизм, как всякую, впрочем, моду, ибо он никогда не плелся в хвосте толпы. Кроме того, подумайте, если все островитяне получат независимость, сколько потребуется дополнительных виз!..»

ISBN 978-5-457-09908-1

© Аксенов В. П., 1977

© Эксмо, 1977

Василий Аксенов

Право на остров

Dedicated to all Proffers

«Вновь я в Ажаксью». Всякий раз, приезжая сюда, Леопольд Бар, этот, по сведениям журналов, «крупнейший из ныне живущих европейских эссеистов», произносил в уме данную литературную фразу. Прежде он затруднялся, выбирая вариант названия. В промежутках между приездами, то есть в основные периоды своей жизни, он не называл этот город, столицу острова, никак, потому что никогда о нем не думал, но с детства, однако, помнил, что в учебнике географии фигурировало Аяччо, некий гоголь-моголь с перцем. Местные жители – корсиканцы, склонные к сепаратизму, а таких тут немало – считают свой Ажассио именно как Аяччо, но произносят, разумеется, что-то среднее между Айчу и Эчу – никогда этому не научиться. По-французски же, а Корсика как-никак часть Франции, в связи с отсутствием в языке Мольера всяких там черепков, черенков, чекушек, чертиков и прочей чечепухи, произносится отличное словечко – Ажаксью. Л. Б. поддерживает здесь метрополию, так как отрицает моду на сепаратизм, как всякую, впрочем, моду, ибо он никогда не плелся в хвосте толпы. Кроме того, подумайте, если все островитяне получают независимость, сколько потребуется дополнительных виз!

Ирония – путь к капитуляции, сказал Л. Б. своим читателям когда-то. Серьезность подержанных ветром известняковых глыб. Унылые, но мощные контуры противостоящей ветру цитадели. Стой под дождем с известняковым подержанным лицом, как будто ты не сдавался пятьсот тысяч раз. Серьезная жизнь в серьезном мире – единственный повод для искусства, так полагаю в данный момент. Момент дан.

В остальном – все как обычно. Пространнейшее такси без счетчика, водитель которого оценивает дорогу от аэропорта Кампо дель Оро до отеля «Феш», глядя лишь в дождливые небеса, но с точностью до сантима. Те же псевдозвериные шкуры в холле отеля, имитирующие охотничий уют. Тот же портье, вперившийся в телевизор, где бушуют местные футбольные страсти: Бастия бьется с Тулоном. Тот же негр, лежащий на диване в темном углу, – рука по локоть в собственных штанах, глухие вздохи, неясное бормотание. Кто он – этот черный человек, который и год назад так же вздыхал в том же углу? Л. Б. это по-прежнему не интересуется, и он проходит со своим чемоданом к лифту.

Мир огромен и прост. Л. Б. не признает фантазмагии, хотя и бывал не раз у нее в плену. Перенаселен ли мир или населен неравномерно, дело не в этом – просто он элементарен, незамысловат, трагичен. Все это лишь норма бытия – трагедия во всех приметах жизни: хлеб, мыло, сперма, одевание, раздевание, въезд в гостиницу – однако удержитесь от улыбки: не сдавайте позиций. Мир прост, юмор – безнравственная хитрая уловка олитературенных литераторов. Л. Б. не из их числа.

Вот прошлогодняя комната, где в прошлом году не произошло ничего существенного, кроме самого главного – дыхания, потения, мочеиспускания, испражнения, сна, просыпания, размышления и, кажется, чихания – поймал гриппок. Белые стены, темная тяжелая мебель с некоторой даже резьбой – средиземноморский стиль. Веранда над крышами Ажаксью. На ней лужа с пузырями многодневного дождя. В луже пристыженными кольцами лежит шланг для поливания цветов. Метафоричность – вздор, но дурная метафора все же лучше хорошей. Чурайся метафор, хотя лукавый и подсовывает их тебе на каждом шагу. В луже лежит шланг. Л. Б. раздевается перед зеркалом. «Откуда я взялся – такой? Правдиво ли отражение? Снимание кепки обнажает большущий лоб с рыжеватыми пятнышками пигментации. Паршивейший беспорядок скудных, но длинных волос. Отеки подбородка – постоянная причина

непристойной горечи. Кому-то, быть может, я кажусь красивым, во всяком случае, значительным. С иной точки зрения, я – смешноват. Водянистые глаза. Глаза – пустыри, лужи, талый снег меж кварталами новостроек. Снятие пиджака, свитера и рубашки. Над брюками по бокам нависают полупустые ягдташи, вялый слежавшийся жир... Какое идет десятилетие жизни? Что означает это медленное созерцание своей персоны в различных зеркалах, в десятках трехзвездочных отелей мира? Кто я, правдиво ли отражение, красив я или смешноват, тело мое – рухлядь или сосуд, форма души?»

Задавая вопрос за вопросом и глядя на себя по мере снятия одежды все пристальнее и внимательнее, властитель дум мыслящей Европы постепенно успокаивается: никаких крайностей, никаких метафор, никакой суеты, он прост, он таков, каков есть, его форма есть форма определенной личности, и Корсике вновь придется на некоторое время смириться с его присутствием.

Утром следующего дня Лео Бар пил кофе на веранде. За ночь в Западном Средиземноморье произошли события более серьезные, чем его приезд, – так полагал он с улыбкой. Переменился ветер. Нынешний крепкий юго-восточный сдвинул фронт северо-западной слякоти и даже успел подсушить тротуары, террасы и крыши. Образовался сероватый, с проблесками солнца, ветреный денек – лучшее, что мог предположить Бар в декабре на Корсике. Серые брюки и черный свитер, на голове лондонская кепка – вполоборота слева в такие дни Лео Бар смахивает на типичного англичанина.

Смахивать можно просто на англичанина, предполагал в это утро Бар с улыбкой. Невозможно смахивать на типичного. Типичность – это уже прочность. Можно смахивать на типичного поэта, будучи просто поэтом, невозможно смахивать на типичного англичанина, не будучи англичанином. Не так ли? Между прочим, главное стремление Бара – не производить никакого впечатления. Затеряться чужаком среди корсиканской рутины. Вне сезона здесь никому нет дела до чьей-то исключительности. Никаких контактов, никакого сюжета. Сюжетность – бич литературы, бич и самой жизни. Цель приезда – осуществление права на одиночество. Ай, пошлятина. Право на одиночество – лживый современный романтизм, суперпоэтерство, хотя и в самом деле хочется побыть одному. После абсурдистского театра парижских издательств и ночного обжорства в «Ля Куполь», после того, как несколько месяцев был и снайпером, и мишенью, хочется расслабиться, слинять, пожить вегетативной жизнью. «Пожить вегетативной жизнью» – опять интеллигентский штамп. Вот главная цель приезда – побег из плена интеллигентских штампов. Еще один штамп – «плен интеллигентских штампов». Другой – «побег из плена»... Одно за другим, шестеренки, веревочки, тягомотина олитературенной жизни. Неужели не вырваться? Не затрудняй себя, не ставь себе никаких задач, иначе остров – явление природы, – превратится в явление литературы. Двигайся и ни на что не обращай внимания, ничего не воспринимай, не усваивай, не увеличивай, только лишь отражай. В этом суть – простое отражение, как в луже. «Аиста гнездо на ветру. А под ним – за пределами бури – вишен спокойный цвет». Принцип хокку. Ай, опять она, литературочка. Так, изрядно себя помучив за завтраком, Леопольд Бар вышел на Авеню Феш. Над узкой этой улицей, зажатой облупившимися итальянскими домами со ставнями, разумеется, полоскалось белье. Улица заполнялась автомобилями – впереди разгружался синий фургон. Кузов его, закрывая просвет улицы, создал иллюзию густо-синего, не соответствующего погоде моря. Л. Б. пошел в другом направлении и оказался на площади Первого Консула. Это, пожалуй, его любимое место в Ажаксьо. Цветная мелкая плитка тротуаров, огромные пальмы вокруг серенького подержанного Консула, несколько магазинов, среди которых самый безнадежный – книжный и самый вдохновляющий – парфюмерия фирмы «Ланком», пальмовая аллея, идущая к порту, и там, в тени, рынок – запахи колыбели человечества: перец, чеснок, водоросли. Банк «Сосьетэ Женераль». Обмен денег – утрен-

няя процедура любого глобтроттера, а Леопольд Бар – именно глобтроттер, шагающий по шарообразному многонациональному человеку.

Фунт падает, доллар падает, лира падает, марка ползет вверх как паук на слюнявой ниточке спекуляций. Вырву грешный свой язык! На мраморном крыльце банка сидела огромная мохнатая трусливая собака. Таких нигде больше не встретишь, как только лишь на Корсике. Остров маленьких храбрых мужчин и больших трусливых собак. Если эта собака охраняет здесь казну, то лучшую службу несла бы, пожалуй, статуя Наполеона. Позор словоблудию! Две чудеснейшие итальянские старухи, обе в черном, чистые, ухоженные, волосок к волоску, меняли в банке свои деньги на чужие. Почему так колеблется лира, когда Италия так незыблема, так прочна? Пора развеять всемирное заблуждение о ее ненадежности. Две эти средиземноморские синьоры надежнее и весомее пяти сотен левых или правых мерзавцев в Милане, что размахивают портретами Лаврентия Берии или Бенито Муссолини. Леопольд Бар, куда вас несет? В политику? Ну-ка, на тормоза! Конторщик, отсчитывающий хрустящие французские деньги, почему-то улыбался. Зависит ли его настроение от колебания валют? Вот что еще нужно зарубить себе на носу – ни с кем не общаться, не вступать ни в какие отношения. Достаточно на материках всех этих общений, связей, отношений, знакомств, ссор, примирений, хотя бы на острове ни с кем не общаться. Отгородиться!

– Гуд? – спросил конторщик.

– Мерси, – Лео Бар сунул деньги в карман.

– Америка? – спросил конторщик, проследив этот жест.

Он подмигнул куда-то вбок. Лео Бар скосил глаза и понял, что здесь вовсе не ему улыбаются. Справа стоял, положив передние лапы на стойку, мохнатый трус.

– Это Атос, – сказал конторщик.

– Сторож? – Лео Бар все-таки смалодушничал, вступил в контакт.

– Что вы, месье! Просто друг. Он здесь...

Л. Б. вышел из банка и через улицу увидел в витрине спортивного магазина свое отражение. Все-таки славный, подумал он вдруг об этом отяжелевшем господине. Вдруг вспомнилось позавчерашнее – как разглагольствовал в кафе «Де Маго» о фильме Бертолуччо, с каким апломбом снимал с него корочки и как вокруг все слушали самого Лео Бара... Надо всю эту гадость стряхнуть с себя, ну хотя бы часть этой гадости, вздора, паршивой известности, сомнений! Ты, смешной, вздорноватый мегаломан, превратись на неделю в человеческое существо, ты, явление европейской культуры, стань островитянином!

Новоявленный искатель островной психологии шел по узкой улочке мимо «Императорской булочной», «Парикмахерской Наполеона» и сувенирных лавок, в витринах которых в бесчисленных вариантах был представлен островитянин, преуспевший в поисках материковой психологии. Мятельный лейтенант с обнаженным клинком и развевающимися волосами на тарелках и кухонных календарях, застывший идол в треуголке, бюсты всех размеров – от спичечной коробки до натуральной величины, пепельницы с портретами брюнетистой парочки – «Наполеон и Жозефина». Улица выгнулась бугром, а на спуске обнаружила море, идущий по нему лайнер «Наполеон», массивное здание казино, площадь и конную статую, не очень точную по пропорциям, но вполне величественную. Дыхание одинокой человеческой судьбы... несчастный маленький школяр... какая суматоха в течение всей жизни – передвижение воинских колонн, фураж, порох, контрибуции, дипломатические кроссворды, свержение и установление династий... хватило ли тебе времени на Святой Елене, чтобы погоревать над собственным организмом? Вот остров, сохраняющий в сувенирных лавках основные возможности человека: родиться на острове, чтобы прозябать, однако возвыситься, перекалечить соседний материк и угаснуть все-таки в прозябании на другом отдаленном острове... Вот модель восхитительной человеческой судьбы!

Лео Бар вдруг застыл, пораженный подлейшей постыдной мыслью – уж не сравнивает ли он собственную судьбу с судьбой Наполеона? С той точки, где его застигла подлая мысль, качающееся в просветах белье, выдвигающийся из-за здания казино белый нос лайнера с надписью «Наполеон», срез конного памятника, часть тарелки с портретом Жозефины... Какое позорище!

Тут он почувствовал, что он не один в пространстве стыда: кто-то сзади. Он обернулся – оказывается, его все это время сопровождал Атос, который сейчас застыл, подняв переднюю левую.

– Какой позор, дружище, – сказал Атосу Леопольд Бар.

На набережной ветер с жестким шорохом прогуливался по шеренге пальм. На желтой стене трепетала держащаяся лишь одним уголком синяя прокламация. Иногда ветер пришлепывал ее к стене, и тогда можно было увидеть детское лицо и прочесть мольбу ребенка: «Мама, говори со мной по-корсикански!» За овальным окном равнодушный толстяк изучал через лупу мельчайшую цифирь биржевых ведомостей. «Локасьон де вуатюр сан шофер» – написано было над дверью, то есть автомобиля без шофера. Несложная идея – взять внаем автомобиль. Вождение автомобиля по малознакомой местности выветривает дурацкие мысли о собственной персоне. Толстяк с любезнейшей улыбкой поднялся навстречу. Из глубины гаража прибежала умница с шелковой шерсткой, спаниель Джульетта. Через несколько минут популярная в этой стране «груша» «Рено-5» уже готова была к услугам Бара. Он сел за руль. Толстяк с умнейшими глазами стоял на пороге своего локасьона. Что-то особенное есть в его лице. «Он неудавшийся Наполеон. Он мог бы повелевать массажи», – подумал Лео Бар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.